

Е. Э. Липшиц

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ВАСИЛИКАХ КАК ИСТОЧНИКЕ

Конец IX столетия (время, к которому относится издание Василик) исключительно мало освещен источниками, особенно документальными. Поэтому взгляд исследователей, интересующихся внутренней историей Византии этого периода, обращается к трем законодательным памятникам IX в. — Прохирону, Эпанагоге, Василикам — в надежде найти хотя бы там какие-либо сведения об общественно-экономическом строе.

Из трех названных памятников права наиболее обширным по объему и самым разносторонним по тематике являются Василики — свод, составленный из выборок, почерпнутых из предшествовавшего законодательства, главным образом из корпуса Юстиниана. Однако ярко выраженный компилятивный характер этого свода заставлял и заставляет многих исследователей высказывать серьезные сомнения в возможности использовать данные Василик для характеристики общественных отношений IX в. О главных моментах в истории изучения этого вопроса сказано уже в статье А. П. Каждана, публикуемой в этом же томе Византийского временника (см. выше, стр. 56—66). Следует лишь подчеркнуть, что исследователи XVIII—XIX вв., так же как и некоторые современные зарубежные ученые, независимо от предложенных ими решений проблемы, уделяли если не исключительное, то во всяком случае преимущественное внимание только историко-правовой и юридической сторонам дела¹.

В более широком плане проблема поставлена впервые советскими исследователями. Но, как видно из статей А. П. Каждана и М. Я. Сюзюмова, и в советской историографии нет еще единого мнения в оценке значения этого памятника.

В отличие от М. Я. Сюзюмова, А. П. Каждан рассматривает Василики как источник крайне ограниченного значения. Он склоняется к мнению тех исследователей, которые видят в Василиках одну лишь компиляцию, притом такую, которая возникла не в IX столетии, а в VI в. А. П. Каждан считает, что «Василики были созданы не для того, чтобы заменить юстинианово право или дополнить его византийскими нормами, как думал в свое время А. Террассон, — они представляли собой изложение юстинианова права, которое продолжало, скорее всего, считаться действующим правом» (стр. 60). Однако в обоснование этого своего утверждения А. П. Каждан приводит, на наш взгляд, недостаточно убедительные доказательства.

Ссылки на поздние схолии к Василикам, которые сам же А. П. Каждан относит ко времени, значительно более позднему, чем время издания Васи-

¹ Ср. R. S. Lopez. Byzantine Law in the VII century. Byz., XVI, 2, 1942—1943, p. 445—461.

лик (Василики были изданы в период 886—889 гг.; схолии же, о которых здесь идет речь, относятся к XI—XIII вв.), мало показательны как свидетельство противопоставления Василик юстинианову своду и предпочтения, отдаваемого (Иоанном Номофилаксом) юстинианову своду: эти схолии свидетельствуют лишь об отношении к Василикам в позднейшее время, когда они были составлены. В IX же веке, во время создания Василик, отношение могло быть иным. Не более убедительны и указания А. П. Каждана на новеллы Льва VI. Имеющиеся там ссылки на нормы юстинианова права могли быть вызваны тем, что Василики тогда еще не были обнародованы, а также и стремлением (весьма сильным всегда в византийском праве) прикрываться авторитетом юстинианова свода.

Вряд ли можно признать убедительным и утверждение А. П. Каждана о том, что в XI в. автор «Рассуждения о *Racta puda*» рассматривал оба законодательных свода как имеющие равное практическое значение.

Совет автора «Рассуждения...» предвелять изучение Василик знакомством с Дигестами может свидетельствовать лишь о том, что в системе школьного обучения праву удерживалась методика преподавания, аналогичная той, которая применялась в Константинопольском и Бейрутском университетах в VI в. Эта методика была построена так, что учащиеся, прежде чем перейти к изучению современного им законодательства, штудировали лучшие образцы юриспруденции предшествующего времени. Так, из конституции «*Omnes*» от 16 декабря 533 г. известно, что до 533 г. студенты в течение трех первых лет обучения изучали «Институции» Гая, «*Responsa*» Папиниана и Павла и лишь на последнем году приступали к чтению императорских конституций. Поэтому использование юстинианова права при обучении или при истолковании тех или иных положений, приведенных в Василиках в более краткой редакции, чем в своде Юстиниана, отнюдь еще не говорит о том, что Василики не вытеснили *Corpus juris civilis* в качестве официального законодательного сборника IX в. В этом отношении взгляд Берджера² мне представляется более правым, чем точка зрения А. П. Каждана.

Главной задачей статьи А. П. Каждана является, по определению автора, выделение того круга вопросов, затронутых в Василиках, который в IX столетии уже не отвечал действительности. В результате своего рассмотрения А. П. Каждан пришел к выводу, что ценность Василик как исторического источника сводится лишь к тому, что они свидетельствуют о наличии в Византии IX в. товарного производства и частновладельческих отношений. Конкретные же формы общественных отношений, о которых идет речь в Василиках, не соответствуют, по мнению А. П. Каждана, исторической действительности IX столетия. Так, А. П. Каждан берет под сомнение сведения Василик о ремесленных профессиях, о сохранении рабовладельческих отношений, отдельные термины и т. д. Заключая свою статью, автор указывает, что если при изучении общественных отношений в Византии IX в. положить в основу исследования Василики, то мы неминуемо придем к выводу о существовании в Византии IX в. рабовладельческих отношений, о неизменности общественных отношений на протяжении VI—IX вв.

Не могу не отметить, что и здесь ход рассуждений А. П. Каждана и некоторые его частные замечания представляются на мой взгляд неубедительными.

Так, в своей аргументации А. П. Каждан придает большое значение составленной им таблице, содержащей статистические сведения о коли-

² A. Berger. *Studi sui Basilici*, IV. La Legislazione di Giustiniano ed i Basilici. *Jura*, 5, 1954.

честве упоминаний каждой из книг Василик в практическом руководстве по праву X в. — Пире. Но если суммировать все данные этой таблицы, то получится внушительная цифра — 641 случай упоминания Василик в тексте Пире. А так как текст Пире занимает в издании Цахариэ фон-Лингентала³ около 300 страниц, то оказывается, что в среднем Василики упоминаются более чем два раза на каждую страницу. Из этого простого арифметического подсчета (если оставаться на почве статистики, как это делает в данном случае А. П. Каждан) вытекает с полной очевидностью тот вывод, что для автора Пире Василики были главным законодательным авторитетным памятником. Другими словами, по моему мнению, таблица уж если и свидетельствует о чем-либо, так только о несостоятельности взгляда на Василики как на источник, имевший малое практическое значение, взгляда, который старательно, хотя, правда, и с некоторыми оговорками, пытается обосновать А. П. Каждан. Но следует подчеркнуть, что вызывает сомнение и сама возможность привлечения данных этой таблицы для решения того вопроса, ради которого она приведена автором, а именно, о степени использования каждой из книг Василик в византийской практике вообще. Вряд ли можно делать *обобщающий вывод* подобного рода из материалов практики одного из юристов, хотя бы и видного.

Едва ли правильно, рассматривая вопрос о значении Василик как исторического источника, ограничиваться, как это делает Каждан, некоторыми сопоставлениями Василик с источниками более поздними. На мой взгляд, особенно необходимо привлекать как раз памятники предшествующего Василикам законодательства и в первую очередь того, из которого составители Василик черпали свои материалы. Важнейшее значение имеет определение того, что именно и как бралось из законодательства Юстиниана. Даже при самом общем сопоставлении этих двух сводов сразу же бросается в глаза, что составители Василик в корне перетасовали весь материал законодательства Юстиниана, распределив его по собственному плану и принципу. Выбирая, они не только сокращали отдельные законоположения, но многие вообще опускали. Несомненно, что при этом отборе юристы IX в. руководствовались прежде всего актуальностью того или иного положения. Тщательное изучение этого вопроса могло бы дать много интересных материалов для суждения о том, что оставалось важным для общественных отношений IX в. Позволю себе пояснить свою мысль примером.

Из группы новелл Юстиниана, посвященных реорганизации управления провинциями, особенно восточными, составители Василик включили в VI книгу Василик выборки из 24-й новеллы (о преторе Писидии), из 25-й (о преторе Ликаонии), из 26-й (о преторе Фракии), из 27-й (о комите Исаврии), из 28-й (о модераторе Эленопонта), из 29-й (о преторе Пафлагонии), из 31-й (о четырех архонтах Армении), из 102-й (о модераторе Аравии), из 30-й (об анфипате Каппадокии), из 103-й новеллы (об анфипате Палестины)⁴. Сличение этих выборок с оригиналом показывает, что, несмотря на сокращения, составители Василик старались соблюдать точность цитирования. Само собой разумеется, что буквальный текст новелл, включенных в Василики, не является фотографией живой исторической действительности IX в., а характеристикой положения дел в VI в., потребовавшей в то время от правительства Юстиниана проведения ряда реорганизационных мероприятий, шедших в своей основе в направлении, предвосхищавшем в известной мере, особенно в Армении, последующую организацию фем.

³ Practica ex actis Eustathii Romani. Ex cod. Laurentiano ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, I. Lipsiae, 1856, p. 1—300.

⁴ Basilicorum libri LX, Series „A“, vol. I, ed. H. J. Scheltema et N. Wan der Wal. Groningen, Djakarta, Gravenhage. 1955, p. 208 sq.

Можно ли считать, что включение этих новелл в законодательный свод IX в. имело какое-либо актуальное значение и в какой-либо мере отражало действительное положение дел в IX в.? Мне представляется, что безусловно можно. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что как раз в IX в. шел процесс реорганизации фем в восточных провинциях, а частью и на Балканах. Так, между 867 и 873 г. турма Харсиан, принадлежавшая к феме Армениака, была превращена в фему. При Льве VI эта фема была расширена (и притом значительно) за счет соседних районов фемы Букеллариев, Армениака и Каппадокии. Около 863 г. стала фемой и Колоней, страгиг которой упоминается впервые под этим годом у Продолжателя Феофана. В связи с разгромом павликианского движения стояло появление клисур Созополиса и позднее — Леонтокомиса. В период, разделяющий арабских писателей Аль-Гарни и Аль-Масуди, т. е. во второй половине IX в., была превращена в фему и Каппадокия⁵. Эти примеры, которые можно было бы умножить, показывают, насколько актуальными были для конца IX в. новеллы, о которых идет речь.

Разумеется, в IX в. положение во многом изменилось, но нельзя не учитывать и того, что для развития Византии вообще и развития византийского права в особенности характерна чрезвычайно сильно выраженная традиционность в терминологии, несомненно отражавшая в известной степени и сохранение традиций в реальной жизни. Так, например, термин «анфипат» в период развития фемного строя безусловно изменил свое значение. Тем не менее было бы неосторожным считать, что наличие этого термина в Василиках является признаком их несоответствия исторической действительности IX в. Достаточно напомнить, что термин «анфипат» по отношению к страгигу Каппадокии, да и вообще, сохраняется и в византийских табелях о рангах IX—X вв.⁶ Сохраняются в IX—X вв. и звания ипата, синклитика и др., которые отнюдь не являются полным анахронизмом, хотя носители этих чинов и званий совсем утратили свою былую власть. Поскольку эти звания удерживались, сохраняя за их носителями какую-то тень их прошлого величия, упоминание о них в законодательном памятнике нельзя считать признаком нежизненности последнего. Термины «синклит» и «синклитик», например, несмотря на известную новеллу Льва VI, лишавшую сенат всякого значения, так часто упоминаются в сочинении Константина Порфирородного «О церемониях», что многие исследователи приходили в отчаяние, тщетно пытаясь проследить какое-либо единообразие в терминологии. Известный комментатор этого сочинения Рейске считал, что Константин употребляет слово «синклитик» то в узком, то в широком его значении. По мнению Д. Беляева, термин «синклит» в X в. означает: 1) всю совокупность чинов высших и низших, 2) совокупность чинов, за исключением высших, и 3) только чинов синклита в самом тесном смысле, т. е. апоэпархов, силендиариев, веститоров, ипатов, дисипатов и т. д.⁷ Но раз это так, то и упоминание этих терминов в Василиках и воспроизведение соответствующих статей становится вполне понятным и правомерным, хотя в содержании терминов и произошли большие изменения.

Попутно отметим, что сопоставление Василик с другими источниками важно и для исследования самих этих источников, если точно проследить

⁵ E. Honigmann. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363 bis 1071. Bruxelles, 1933, p. 43 ff.

⁶ J. B. Bury. The Imperial Administrative System in the IX Century. London, 1911, p. 148; V. Benešević. Die Byzantinischen Ranglisten nach dem Kletorologion Philothei (De cer. II, cap. 52) und nach den Jerusalemer Handschriften. Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher, 5, 1926, S. 118 und passim.

⁷ Д. В. Беляев. ВУЗАНТИКА, т. I. СПб., 1891, стр. 170 и др.

и тонко выявить все то, что выброшено из старых законодательных постановлений при цитировании в *Василиках*.

Самым важным мне представляется вопрос, поставленный А. П. Кажданом, о том, как следует расценивать воспроизведение в *Василиках* законоположений о рабстве и рабовладельческих отношениях. Должны ли мы их считать полным анахронизмом, или они отражают в какой-либо мере реальные отношения IX в.?

Нарративные источники не дают основания сомневаться в том, что институт рабства в Византии существовал и в IX в., и даже позже, несмотря на развитие феодализма. Сохранение рабовладельческого уклада под покровом развивающихся феодальных отношений роднит византийскую форму феодализма с той, которая хорошо известна в странах Ближнего Востока. Поэтому наличие сходных законоположений о рабовладении в своде Юстиниана и в *Василиках* лишний раз показывает, что и в том и в другом своде характеризуются общественные отношения одного типа, одной формации, хотя и на разных этапах ее развития. При различии в степени и удельном весе рабовладельческих отношений на этих двух стадиях развития феодальной формации — стадиях, отделенных друг от друга тремя столетиями, отрицать значение института рабства и для IX в. нет оснований. Достаточно напомнить столь известные данные, как сведения Генесия и Продолжателя Феофана о широком участии несвободных в восстании Фомы Славянина или описание штата обслуживающего персонала вдовы Даниелис и т. д. Рабовладельческие отношения как известный уклад в IX в. (при развитии в качестве основной формы производственных отношений феодальной эксплуатации) свидетельствуют об исторической оправданности наличия соответствующих норм в *Василиках* (как и в предшествовавшей им *Эклоге*). Поэтому мы никак не можем согласиться с утверждением, будто бы из признания *Василик* в качестве важного источника для истории IX в. неизбежно следует признание того, что в Византии IX в. существовал в качестве основы общественно-экономического развития рабовладельческий строй.

О том, что отнюдь не архаизмом, как полагает А. П. Каждан, в IX в. звучит постановление *Василик*, разрешающее вести суд на латинском и греческом языке, писал уже М. Я. Сюзюмов, отметивший, на мой взгляд, совершенно основательно, что такое постановление могло вызываться потребностями владений Византии в Южной Италии. Любопытно отметить в этой связи, что от IX в. до нас дошли рукописи греко-латинских словарей, как, например, хранящегося в Парижской национальной библиотеке — Ms. lat. 7651.

Таким образом, мы думаем, что значение *Василик* как источника для внутренней истории Византии IX в., а тем более как исторического источника вообще, гораздо шире, чем это определено в статье А. П. Каждана. Разумеется, ни один источник не может дать полных результатов, если анализировать его изолированно, особенно если речь идет о своде законов, издававшихся в разное время. И это относится в равной степени и к *Василикам*, и к юстинианову своду, и даже к таким более компактным источникам, как *Эклога*. Если бы при изучении общественных отношений Византии VIII столетия мы располагали одной *Эклогой*, нам пришлось бы признать, что в это время вообще не существовало свободного крестьянства.

Несомненно, что широкое и углубленное изучение *Василик* в сопоставлении их с источниками и современной им и предшествующей эпохи обогатит наши знания о Византии IX в. и восполнит то, чего не дают другие источники.